

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Смерть Чета Морана	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Эреб	77
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Игры	205
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Богобойца	313
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. Лета	375
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. Гэвин Моран	459
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. Лилит	521
ЭПИЛОГ	567

ΠΡΟΛΟΓ

ОСТРОВ МОРАН, ЮЖНАЯ КАРОЛИНА,
АВГУСТ 1976 г.

Кролик протиснулся под железной изгородью и очутился на маленьком кладбище. Пробравшись сквозь переплетение корней и побегов, заполонивших пространство между покосившимися надгробными плитами, он обнаружил полоску сорной травы и принялся ее щипать.

Мальчик — то ли тень, то ли нет — безмолвно поднялся с травы и уселся рядом с кроликом на одну из плит. Мальчика звали Джошуа, и, если бы вам довелось увидеть его в правильное время в правильном свете, вы заметили бы, что он еще совсем мал, лет шести или семи, худенький, босоногий, в потрепанной одежде.

— Как поживаете, мистер Кролик?

Кролик дернул ушами.

— Рад вас снова видеть. Вкусная травка?

Джошуа бросил взгляд вниз на склон холма, туда, где виднелось болото. Уловил отблеск воды сквозь ветви могучих дубов, там, у топи.

— Должно быть, прилив. Эх, хотелось бы мне пройтись туда, вниз. Что угодно отдал бы, чтобы почувствовать ил между пальцами ног, хотя бы разок.

Мальчик смотрел, как теплый бриз колышет пряди испанского мха; последние лучи солнца зажгли облака, знаменуя конец долгого летнего дня.

— Красотища.

Кролик поднял морду, пошевелил носом.

Мальчик улыбнулся, затем его лицо омрачилось. Он потряс головой.

— Иногда получается забыть, понимаешь. Всего на секунду. Что ты мертв. Выдается такой прекрасный денек... — Голос у него стал печальным. — Уж казалось бы, столько прошло лет, а я опять попался. Но как увидишь эти облака, услышишь, как птицы щебечут, и думаешь — можно просто взять и побежать домой, увидеть маму... брата старшего... — Тут он надолго умолк, разглядывая свои руки, кожу, которая когда-то была цвета чернозема, а теперь стала бледной и прозрачной, словно туман. — Вот только никогда мне не уйти от этих разбитых камней. — Он хлопнул ладонью о плиту; та не издала ни звука. — Но, знаешь, что самое плохое? То, что ты совсем один.

Джошуа потянулся к кролику; его рука зависла над самой спинкой. Он знал, что ему не дано прикоснуться к живому, но эта шерстка — она была такой мягкой, теплой и уютной на вид. Его рука прошла прямо сквозь зверька, а кролик продолжал, как ни в чем не бывало, жевать. Только носом дернул.

У мальчика задрожали губы, глаза обожгли слезы. Он сердито утер щеку.

— Ну, хватит, хватит. Что толку реветь-то? Это мне тоже пора бы уже запомнить.

Кролик перепрыгнул поближе к мальчику и принялся за жирный одуванчик. Джошуа слабо улыбнулся.

— Спасибо, что зашли проведать, мистер Кролик. Я ценю приятное общество.

Из дубовой рощи долетел низкий стон. Насекомые замолкли, а мальчик с кроликом замерли на месте, широко распахнув глаза, вглядываясь в гущу теней. Стон раздался опять, ближе. Звук был исполнен боли, будто маленький зверек попался в силки. Кролик, подергивая носом, привстал на задних лапках.

— *Не высовывайся*, — прошептал ему мальчик, — *и все будет в порядке. Здесь им до тебя не добраться.*

Из высокой травы поднялась фигура. Она просто стояла по другую сторону изгороди — черный клубящийся дымный силуэт ребенка, то гуще, то жиже. Желтые глаза сверкали, будто тонущие светлячки.

Джошуа скорчился было за камнем, готовясь зажать глаза и уши, как он делал всегда, когда появлялись *они*, но тут увидел, что кролик мелко дрожит — вот-вот бросится прочь.

— *Все хорошо*, — прошептал мальчик, толкая мысль перед собой, наполняя ее усилием воли. Иногда — очень редко, если стараться изо всех сил, — он знал это, — мертвый мог дотянуться до живого. — *Сиди тихо, и все будет в порядке.*

Появился еще один из *них*; его глаза, похожие на дырочки от булавки, были устремлены на кролика.

Дыхание кролика участилось.

Там, среди деревьев, были еще *они*. Роща словно наполнилась светлячками, но Джошуа знал, что это не так. Он знал, что *они* такое, знал, чего *им* надо.

Оно заговорило. То, что было ближе к изгороди. Голос был мягкий и приятный, почти мелодичный.

— Выходи поиграть, Джошуа. Выходи к на-а-ам.

Джошуа старался не слушать, не смотреть. Он сосредоточился на кролике, посылая ему успокоительные мысли.

То, что пониже, наклонилось, разглядывая кролика. Тьма позади мерцающих глаз сгустилась в черный, зияющий водоворот, и слышно стало, как завывает ветер, откуда-то снизу, будто из-под земли. Звук становился все ближе, все выше, постепенно переходил в шипение.

Задние лапки у кролика вздрогнули; он готов был сорваться с места.

— Нет, кроличек, — сказал Джошуа и склонился над кроликом, накрывая его собственным телом, обворачивая себя вокруг него.

Шипение переросло в сверлящий, пронзительный свист, ближе, еще ближе, потом стало воплем, многими воплями, криками агонизирующих детей. Вопль вырвался из того места, где у *него* был рот, вместе с порывом горячего ветра.

Кролик рванул с места; тело Джошуа, сотканное из теней, не стало для него преградой.

— *Нет!* — вскричал Джошуа. Кролик уже продирался сквозь заросли между надгробий дикими рывками. Казалось, ему точно удастся спастись, но Джошуа знал, что это не так. Зверек выскочил с дальней стороны кладбища, и в ту же секунду, как он оказался за изгородью, фигура, та, что пониже, оказалась рядом с ним. Она схватила кролика за уши, держала брыкающееся животное на весу.

— Выходи играть, Джошуа, — подначивала фигура, — и мы отпустим твоего кролика. Давай, выходи, тут полно ребят и девчонок, и все хотят с тобой поиграть.

Мальчик отступил к надгробью, скорчился, спрятав лицо в коленях.

— Джошуа, — позвала его фигура повыше, — а мы знаем один секрет. Хочешь узнать?

Он старался не слушать.

— Чет скоро приедет домой. Ты ведь знаешь, кто такой Чет?

Джошуа знал.

— Чет теперь — будущий папа, — сказала фигура. — Ожидание окончено. Скоро он будет здесь, и нам не терпится содрать с него кожу. Выйдешь — разрешим тебе помочь. Что скажешь?

Джошуа молчал.

— У них на руках — твоя кровь, — теперь голос звучал злобно, издевательски. — Ты же знаешь, за ними должок. Перед тобой. Перед всеми нами. Ты можешь помочь нам послать его туда, где горят. Затащить его вниз, под землю, и пусть попляшет для Горящего человека.

Вцепившись пальцами в локти, Джошуа потряс головой.

* ПОТЕРЯННЫЕ БОГИ *

Та фигура, что пониже, сделала шаг к изгороди, так близко, насколько могла, не касаясь при этом железа. Открыла рот, и вновь Джошуа услышал далекий вой ветра, полные муки детские крики. Голова у фигуры откинулась назад, как капюшон, и зияющий водоворот стал шире. *Оно* подняло кролика над отверстием.

Джошуа прикусил губу, стиснув ладонями уши.

Кролик отчаянно брыкался и царапался, а потом начал кричать. Сначала Джошуа даже не понял, что это за звуки, он и не знал, что кролики могут кричать. Почти как человек. Фигура уронила кролика в зияющую дыру, и крики начали удаляться, будто неслись к центру Земли. Дыра, по-прежнему вращаясь, затянулась, и наступила тишина. Ни одно живое существо не подавало голоса — ни лягушка, ни насекомое.

Обе фигуры просто стояли, уставившись на Джошуа своими сверкающими глазами. Наконец, после кошмарной паузы, та, что пониже, поддела локтем ту, что повыше.

— Ну и скукотища. Пошли отсюда.

Они двинулись прочь вверх по склону, к большому дому на вершине холма.

— Мы будем ждать Чета, — крикнула через плечо фигура побольше. — Последний шанс присоединиться.

Джошуа дождался, пока они не скроются из вида, потом перелез через изгородь. Он искал кролика. Его смятое тельце лежало в траве — выпученные остановившиеся глаза, губы раздвинуты, обнажая зубы, все до единого.

Рухнув на колени, Джошуа спрятал лицо в ладонях и зарыдал.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Смерть Чета Морана

ГЛАВА 1

ДЖАСПЕР, АЛАБАМА,
АВГУСТ 1976 г.

Чет Моран погасил фары и задом сдал на извилистую подъездную дорожку, ведущую к дому судьи Уилсона. Ровно настолько, чтобы его «Форд Пинто» не был виден с дороги. Стоило заранее развернуть машину к выезду, на улицу: можно будет быстро убраться, если дело до этого дойдет.

Он заглушил двигатель, вылез из машины и аккуратно притворил дверцу. Постоял немного в предрассветных сумерках, разглядывая «Пинто».

— Что за кусок дерьма? — сказал он, но все же с улыбкой, потому что сделка была выгодной. Дэну страшно хотелось заполучить его «Мустанг», достаточно, чтобы заплатить хорошую — лучше, чем хорошую — цену. И все же Чету будет не хватать этой тачки с двигателем 302 кубических дюйма, которую он собственноручно восстанавливал пять лет, практически с нуля. Но машина была теперь в прошлом — как и многое другое. Порывшись в кармане, он выудил тоненькое золотое обручальное кольцо. Без бриллианта, но это было *настоящее* золото. Чет смахнул с глаз темно-рыжую прядь — глаза у него были серые, настолько бледного оттенка, что казались серебряными — и посмотрел вверх, на длинную подъездную дорожку, ведущую к дому

судьи. Он надеялся, кольцо сможет помочь убедить Триш в том, что он теперь — новый человек.

Чет потянулся всем своим худощавым телом и потер шею, пытаясь избавиться от напряжения, набраться храбрости и пойти вверх по этой дороге. В свои двадцать четыре года он только что закончил отбывать срок за хранение с целью распространения. Триш не навестила его ни разу.

Он сделал несколько шагов по дорожке, остановился, опять двинулся вперед и опять остановился. Вздохнул. Письмо от Триш пришло, когда он был в тюрьме уже три месяца. Оно было кратким и по существу: «Дорогой Чет, я беременна. Собираюсь оставить ребенка. На тебе ответственности никакой нет. Я всегда буду любить тебя, но пытаться верить в тебя я больше не могу. С любовью, Триш». Записку он все время держал у себя в кармане, постоянно перечитывая, но ему до сих пор не было понятно, что именно она имела в виду, когда писала, что на нем нет «никакой ответственности». Он писал ей раз десять, по меньшей мере, но ответа так и не получил.

Сначала он злился, в конце концов, это и его ребенок тоже. Но семь месяцев — достаточный срок, чтобы человек успел как следует подумать, посмотреть на вещи с другой стороны. Сколько раз он успел облажаться? *Слишком много*. Не те качества, которые женщина, мечтающая о семье, станет искать в мужчине. У него скоро будет ребенок, малыш, мальчик или девочка. Мир там, снаружи, жесток. И Чета нещадно грызла мысль о том, что его ребенку придется расти без отца. Он вышел из тюрьмы новым человеком, и, если продажа его обожаемого «Мустанга» еще ничего не доказывала, то многое доказывал тот факт, что он шел сейчас вверх по этой дорожке.

Чет набрал полную грудь бодрящего утреннего воздуха и как раз в тот момент, когда солнце тронуло небо первыми лучами, он вновь пустился по дорожке широким шагом. Мокрые сосновые иглы пружинили под ногами, заглушая

шаги. Впереди из полумрака выступило обширное ранчо, сложенное из кирпича, все увитое плющом. Чет осторожно обогнул здание со стороны гаража и уперся в забор из проволочной сетки высотой ему по грудь. Его встретило низкое рычание.

— Спокойно, Руфус, — прошептал Чет и, наклонившись, протянул старому бассет-хаунду руку, чтобы тот мог ее понюхать. Бассет одарил его скорбным взглядом и помотал хвостом. Чет отодвинул щеколду и проскользнул на задний двор. Он присел на корточки и принялся гладить пса, тереть за уши, трепать за брыли.

— Слышал я, судья Уилсон выпустил специально против меня запретительный ордер. Я не должен приближаться к этому дому. Ты что-нибудь слышал об этом?

Глаза Руфуса явно говорили: «Не-а, не я, ничего подобного».

— Это, наверное, раз плюнуть, если ты — судья. А?

Чет поднялся и двинулся дальше, мимо мусорных баков и большого гриля, через клумбы миссис Уилсон, следя за тем, чтобы не потоптать ее призовые герани. Он прокрался по задней веранде к окнам на дальней стороне дома.

Осторожно заглянул в окно. Оно было открыто; легкий ветерок шевелил тюлевые занавески. Сквозь противомоскитную сетку он различил в свете ночника очертания женской фигуры. Она лежала на боку, спиной к нему. Пульс у него зачастил, он повернулся было, чтобы уйти, но тут услышал голос бабушки — скорее чувство, чем слова, — который говорил ему остаться. Он не удивился; он часто слышал ее, хотя жила она за сотни миль отсюда. Именно ее незримое присутствие помогло ему пережить все эти бесконечные ночи, когда, бывало, казалось, что стены камеры валятся ему на голову.

— *Триш*, — прошептал он.

Она пошевелилась и перекатилась на другой бок, повыше натянув на себя простыню. Только теперь, увидев ее